
В. Г. Белинский. Собрание сочинений в девяти томах
М., "Художественная литература", 1979
Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 – март 1842
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

I

28 июня 1841 года Белинский писал своему другу В. Боткину: "...я теперь забился в одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего... Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести". В этом признании – как и в некоторых других, аналогичных, – выразилась суть нового периода развития критика – периода, датируемого началом 40-х годов. И, пожалуй, не только суть, но и тот импульс, под влиянием которого совершился переворот.

Силой, прорвавшей теорию "примирения с действительностью", была именно "одна идея" – идея человеческой личности, счастья и благоденствия отдельного, конкретного, неповторимого человеческого существа. В чем оправдание всеобщего ("тегелевской Allgemeinheit"), если страдает частное? – спрашивал Белинский в другом письме к Боткину (от 1 марта 1841 года). Понимание исторической необходимости, строгое философское самовоспитание не принесет облегчения тому, кто на пути к общей гармонии своей личной судьбой должен выразить момент "дисгармонии". "...Если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы... отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.", "Ты – я знаю – будешь надо мною смеяться... – обращается Белинский к своему корреспонденту, – но смейся как хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира..."

Новые взгляды Белинского складывались стремительно и бурно. В продолжение каких-нибудь нескольких месяцев – от марта до середины 1841 года – резко менялся ответ критика на вопрос, как соотносятся главные категории: человек и общество. Вначале отдельное противопоставлялось им целому, "индивидуум" – "миру". Такова была, так сказать, полемическая логика движения мысли Белинского, первоначальная фаза освобождения от Молоха "общего". Но очень скоро критик признал необходимость новой, другой общей идеи, в которой бы примирились "индивидуум" и "мир". В письме, с которого мы начали статью, эта идея уже выражена достаточно отчетливо: Белинский мечтает об "обществе, основанном на правде и доблести" и именно в нем полагает возможным осуществление индивидуальных человеческих прав и потребностей.

Говоря конкретнее, такой общей идеей для Белинского в первой половине 40-х годов была идея социализма, или "социальности", как он ее иногда называл (в письме к Боткину от 8 сентября 1841 года). В печати же для обозначения грядущего социалистического миропорядка критик прибегал к языку перифрастическому и подчас библейски-торжественному: "...Свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу – и будет новая земля и новое небо..." ("Руководство к всеобщей истории", 1842).

Путь к "новой земле" прокладывается ценою огромного напряжения, крови и мук. В историческом миросозерцании Белинского вновь происходит оправдание момента дисгармонии, – той дисгармонии, которая несколько месяцев назад отвергалась им во имя индивидуальной человеческой судьбы. "Говорят, что дисгармония есть условие гармонии...", – иронически писал тогда критик. Теперь он оправдывает революционные перевороты, крутые меры преобразователей общества, жертвы. 8 сентября 1841 года Белинский пишет Боткину, что установление социальной справедливости не может произойти "само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов". 15 апреля 1842 года в письме к тому же Боткину критик вступался за якобинцев и их вождя: "...дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и